

Л. Н. Донина

«ПАРЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ» ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «ЛЕТОПИСЦЕ ЕЛЛИНСКОМ И РИМСКОМ»

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Текст «Летописца Еллинского и Римского» содержит около 4,5 тыс. существительных в 35 000 употреблениях. Объем материала и тематическое разнообразие позволяют рассмотреть соотношение общих и парциальных (частичных) основ существительных не только в памятнике, но и в языке XV в. в целом. Установлено, что парциальные основы используются для противопоставления числовых парадигм, могут закрепляться за отдельными значениями слов. Основное внимание уделено функционированию парциальных основ существительных словоизменительных классов, восходящих к консонантному склонению. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: древнерусский язык, морфология, грамматическая категория, число, морфологические изменения, частотность, XV в.

'THE PARTIAL STEMS' OF NOUNS IN HELLENIC AND ROMAN CHRONICLE

L. N. Donina

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The text *Hellenic and Roman Chronicle* (35 000 items) contains about 4.5 thousand nouns. The amount of the material and its thematic variety allow to estimate the ratio of general and partial stems in the text and in the language of the 15th century. The focus of the paper is on the functioning of the partial stems of nouns that refer to inflectional classes of consonantal origin. Refs 11.

Keywords: Old Russian, morphology, grammatical category, number, morphological alterations, frequency, 15th century.

В древнерусской именной системе представлены существительные, падежно-числовые формы которых произведены от разных основ. Ю. С. Маслов предложил для обозначения таких основ использовать термин с латинским корнем — «парциальные основы». Он рассматривает две возможные ситуации формоизменения и в соответствии с этим выделяет два типа основ: либо во всей парадигме выступает одна (общая) формообразующая основа, либо используются разные основы.

В работах 1965–1967 гг. второй вид основ обозначен описательно: «основы слов и групп форм» [1, с. 628]; «иногда — несколько формообразующих основ для отдельных групп форм» [1, с. 657, 663]. В статье «Проблемы морфологической структуры слова в славянских языках» (1975) вводится специальный термин: «В ряде случаев помимо (а иногда вместо) общей формообразующей основы слова оказывается необходимо или целесообразно выделять частичные (парциальные) основы — основы отдельных групп форм» [1, с. 733].

По мнению ученого, такая классификация необходима или целесообразна прежде всего при характеристике многих форм славянского глагола, но она позволяет по-новому осветить и некоторые вопросы словоизменения имен существительных.

Рассмотрим основные типы существительных с парциальными основами и особенности их употребления на материале «Летописца Еллинского и Римского» второй редакции [2]. Этот крупнейший древнерусский хронограф с момента первого описания его А. Поповым в 1866 г. привлекал к себе внимание выдаю-

щихся филологов, его исследовали А. А. Шахматов, С. Г. Вилинский, С. П. Розанов, В. М. Истрин, К. К. Истомина, И. Е. Евсеев, О. В. Творогов, Д. С. Лихачев, Н. А. Мещерский, В. В. Колесов, Е. Г. Водолазкин, Б. М. Клосс, А. Г. Бобров и др. В тексте тщательно описаны факты всемирной истории от сотворения мира до середины XIV в., накопленные в многочисленных переводных источниках X–XI и последующих веков, а также в оригинальных сочинениях по русской истории. Искусно составленная компиляция была авторитетной в течение всего Средневековья и послужила источником более поздних хронографических сводов, в числе которых — Русский хронограф и Лицевой летописный свод. До нас дошло более десяти списков этого важного для истории языка памятника. Значительная их часть относится к XV в., но переписывался «Летописец Еллинский и Римский» и в XVI в., и позже — например, в Научной библиотеке СПбГУ хранится список XVII в. [2]. Парциальные основы имен существительных представлены в древнерусском языке, на котором написан «Летописец», значительно полнее, чем в современном языке, в тексте они отражены в процессе значительных и незавершенных изменений.

В области морфологии имени существительного XV в. — это период интенсивного развития грамматических категорий, формирования парадигм и становления новой системы склонения. Таким образом, данные этого обширнейшего хронографического свода, слабо исследованного лингвистически, представляют значительный интерес. Особенно важно изучение фактов, характеризующих состояние периферийных частей системы именного склонения, которые обычно находят в памятниках весьма ограниченное отражение. Поэтому среди групп слов, имеющих в качестве типичного способа словоизменения парциальные основы, выделим существительные, сохранявшие в основе или окончаниях (а обычно и в основе, и в окончаниях) следы того, что они входили в древности в консонантный словоизменительный класс.

Во-первых, это существительные, в части словоформ сохраняющие древний (как считают, индоевропейский) тематический согласный *-s*. «Летописец» является во многих отношениях уникальным памятником — в частности, он зафиксировал, как нам кажется, самый полный набор слов этого количественно ограниченного и закрытого словоизменительного класса. В тексте отмечено 18 таких лексем (из когда-либо причислявшихся к этой группе в «Летописце» не встретилось, кажется, только слово *люто*). Этот «удачный» факт объясняется, по-видимому, шириной тематического охвата хронографа, описывающего разнообразные события мировой истории. Еще более благоприятствует исследованию этой группы существительных то, что значительный объем памятника позволяет увидеть *полные* парадигмы этого класса: лексемы представлены во *всех* падежах единственного, множественного и даже двойственного числа.

На материале этого текста можно говорить не только о функционировании, но и о причинах появления, сохранения или исчезновения парциальных основ в конкретных формах и о взаимовлиянии в этом процессе разных языковых уровней. Формы эти много раз изучались с различных точек зрения. Если посмотреть на проблему через призму предложенной Ю. С. Масловым классификации, то ситуация будет выглядеть следующим образом. В предыстории понятно, как и почему в процессе развития языковой системы одно существительное приобретает формы, в которых его основа раздваивается. Можно назвать этот этап эволюции парциаль-

ных основ фонетическим. Видимо, он сменил индоевропейский или праславянский семантический этап, когда «тематические» гласные или согласные относили группу маркированных ими слов к какой-то «теме». Например, можно предполагать, что основа на **-nt* была свойственна наименованиям детенышей, в ней актуализировался такой компонент значения имени живого существа, как «невзрослость». Определенность соотношения формы и значения в существительных на **-nt*, называвших детенышей, до настоящего времени поддерживает единство этой группы слов с парциальными основами и ее продуктивность, но это редкий случай.

Интересно рассмотреть, как носители языка распоряжались этим раздвоением формы в процессе морфологической перестройки именных парадигм и какие изменения на других уровнях языка это вызывало. Теоретически существуют следующие возможности.

а) Отказаться от использования двух основ одного существительного. Это можно сделать, закрепив в качестве образца или нормы господство какой-то одной из них и выведя из употребления другую. Можно, устранив обе парциальные основы, выработать новую общую. Цель изменений в этом случае заключается в том, чтобы вернуть слову единство формы путем выравнивания основ тем или иным способом.

б) Найти применение каждой из возникших по фонетическим причинам форм. Парциальные основы сохраняются, если «встроить» их в грамматическую систему, наделив каждую из них способностью передавать особое грамматическое значение. Можно «насытить» их семантически, увязав с одной основой определенное значение слова, или, наконец, противопоставить стилистически, если ни грамматический, ни лексический уровень уже не нуждаются в данных вариативных единицах.

Морфологические процессы протекают в существительных этого словоизменительного класса одновременно и своеобразно, отражая языковые и экстралингвистические факторы, сопутствующие грамматическим изменениям, и разные виды зависимостей между ними.

Понятно, что стремление сохранить единый облик слова должно способствовать и способствует устранению парциальных основ, но, очевидно, это процесс более позднего периода: в памятнике XV в. лишь в наименее частотных словах фиксируется только одна из парциальных основ — та или другая, с *-ес* (*дивестъх* (1 раз), *истеса / истесы* (3 раза)) или без *-ес* (*иго, игомъ* (7 раз), *руно, на рунъ* (2 раза), в / *на чель* (5 раз)).

В большей части слов, притом наиболее частотных, наличие двух основ сохраняется практически во всех падежно-числовых формах. Наблюдения за функционированием большого массива словоформ (1416 употреблений) показывают, что две основы чрезвычайно неравномерно распределены: во всех падежах ед. ч. чуть более 16 % основ на **-s*, в то время как во мн. ч. их почти 60 % (исчезающее дв. ч. по этому признаку примыкало к ед. ч.). Приведенные ранее низкочастотные существительные, в которых зафиксирована одна основа, тоже полностью соответствуют этой закономерности: употребленные в ед. ч. имеют основу без *-ес*, употребленные во мн. ч. — с *-ес*.

Чем объяснить отмеченную количественную закономерность? Очевидно, для носителей языка на этом этапе языкового развития *важным* было переосмысление грамматической категории *числа*. Если это так, то понятно, что потребность вы-

деления именно этой грамматической категории вызывает «разведение» субпарадигм единственного и множественного числа каждого существительного всеми наличествующими на данный момент средствами, способными к построению новой именной парадигмы. И этот процесс «противоположен» происходящим на этом же этапе становления новой системы процессам стирания различий между твердыми и мягкими разновидностями склонений и самими склонениями. В это время каждое слово в формах ед. ч. могло выражать не только единичность предмета, но саму его идею, а слово в формах мн. ч. — воплощающие эту идею конкретные предметы, вещи; «ед. ч. как форма выражения идеи противопоставлено мн. ч. как форме выражения конкретной вещи» [4, с. 315]. Контрастность форм числа создается среди прочих средств и различием формообразующих основ там, где в языковой системе есть для этого возможности.

Это явление распространяется за пределы круга слов, которые исторически восходили к консонантному словоизменительному классу. Например, для отдельных слов разных типов склонения текст «Летописца» не фиксирует среднюю из возможных в этот период словоформ типа *трупъ — трупъ — трупие*, на место которой «сдвигается» собирательно-множественная форма со старой флексией *ĭ-основ: *листь — листвие* (ср. *звьрь — звьри — звьрие*). Слово *братъ* 144 раза встретилось в формах всех падежей ед. ч., а также во многих формах дв. ч., но ни разу не отмечено в мн. ч.: вместо *брати* употребляется *братиа*. Собирательные существительные «включались во множественную парадигму, служа оформлению числового супплетивизма» [5, с. 79]. Однако ничего похожего еще не происходит со словами *другъ, князь*, примерно такими же по частоте употребления (140 и 138 раз), формы мн. ч. которых *друзи / друзь / другы и князи* употребляются без каких-либо ограничений и замен. В «Летописце» употребляются существительные как мужского, так и среднего рода с «новыми» парциальными основами ед. — мн. ч., но последовательно даже в пределах узкого контекста и одного источника, индивидуально для слов с разными старыми основами и даже для каждого слова — например, *перо: ...4 звьрие велицѣи исхожааху из моря, различни себѣ; Первыи убо яко лвица имущи криль, и перье еи бысть яко орлу; И зрях, дондеже простре криль свои, и исторгошяся пера ея* [2, с. 47].

Форманты со значением единичности, одушевленности, добавляемые к основам или только в единственном, или во множественном числе, одновременно служат различению числовых значений, а значит, увеличивают количество парциальных основ в парадигме. У обозначений лиц мужского пола по должности типа *попъ*, у некоторых названий животных в формах мн. ч. появляется вариант *поповъ, турове, слонове/и: Поповъ же их своих женъ не имут* [2, с. 459]. Среди наименований народов основы такого типа отмечены в «Летописце Еллинском и Римском» только у слова *жидовъ*, хотя таким образом оформленные этнонимы известны по другим памятникам (эта форма используется без вариантов в им. п. мн. ч. — например, встречается 19 раз в отрывках из особой редакции «Иосиппона», на которую вообще приходится 62 % употреблений слова).

Без названий жителей разных местностей, эндо- или экзоэтнонимов (*егвптянинъ — егвптяне, древляны* и т. п.), невозможно описание всемирной истории, поэтому их в памятнике много — около 200 (почти 2 тыс. употреблений). В эту подгруппу лексики, естественно, вошло большое количество непереведенных слов.

Систематичность применения парциальных основ подтверждается тем, что на многие из них распространилось использование разных основ для существительных ед. и мн. ч., т. е. адаптация этих существительных к морфологической системе подразумевала и присвоение им парциальных основ: *аморьянинъ* — *аморьянъ*, *антиохианин* — *антиохиане*, *афиниянин* — *афиняни*, *идуменянинъ* — *идуменеане*, а также *амаликитяне*, *аравляны*, *асколонитяны*, *варъдисияни*, *въсточянинъ*, *критянъми*, *ликаонянъ*, *макидонянинъ*, *мемфиане*, *наватянъ*, *омиритяни*, *персянинъ*, *рахманинъ*, (*от*) *сидонянъ*, *сквфианинъ*, *тарсянинъ*, *финикиянъ*, *халдъянинъ* и многие другие. Видимо, включение этих, нередко незнакомых читателю, слов в известный ряд типа *болгарин* — *болгаръ* в какой-то мере проясняло и их общий смысл. (Эта лексико-семантическая группа и поныне открыта для включения в нее подходящих по семантике и структуре слов, и разнообразные *южане*, *форумчане*, *марсиане* постоянно и активно пополняют разряд существительных с парциальными основами.) Парциальными могут быть также основы существительных, являющихся наименованиями лиц по должности, социальному положению, верованиям: *болярин* — *боляре*.

Можно предположить, что применение этих «новых» парциальных основ — с *-j*, сингулятивом, *-ове* в качестве дополнительного средства для выражения числовых значений — стало возможным потому, что в этой функции уже были использованы древние парциальные основы существительных консонантного типа.

При продолжительном сосуществовании у существительных консонантно-словоизменительного типа двух основ появляется возможность с их помощью отграничить какие-то важные для носителей языка семантические компоненты во все еще синкретичных по значению словах. И эта возможность используется. «Иногда основы *nebes-* и *neb-* вступают в сложные взаимодействия. Так, в словенском *nebo* — *neba* ‘небо, небесный свод’, *nebesa* ‘потусторонний мир’» [6, с. 148]. Как и в текстах Древней Руси, семантическое наполнение обусловлено представлением о существовании духовного мира — по ту сторону нашего, а также нашего, земного; эту оппозицию можно рассматривать в других терминах как конкретное—абстрактное, реальное—символическое и т. д. В «Летописце» двупланово представлены самые «обычные» разряды лексики, например соматизмы, каждый из которых может выступать и в бытовом значении (со старой основой на *-ес*), и в символическом: *тълѡмъ въскрешение*, *душамъ и тълѡмъ*, *тълѡмъ нашимъ не въскреснути*, но *О поругании мертвѡмъ телесемъ* [2, с. 373, 394, 439, 464].

Эти оппозиции обычно непарные, есть некоторый ряд вариантов: т. е. с одной стороны, например, *слово*, а с другой — *слова* и *словеса*. При этом в контекстах отвлеченного, особенно богословского, содержания в особом значении (*Слово* ‘Сын Божий’, ‘Божие Слово’) всегда в ед. ч. употребляется существительное с основой без *-ес*. В род. п. это форма слова: *пречистыя ногы Божиа Слова сташа на утверждение вселенъи* [2, с. 457]; *Бога Слова от Отца рождена* [2, с. 338]. Таких употреблений в тексте множество [2, с. 263, 264, 294, 376, 377, 402]; существительное имеет и иные значения (‘дар слова’). Ни одна из словоформ с *-ес* (ни с исконной, ни с новыми флексиями) религиозно-христианского значения не имеет: *нѣсть достоинъ никоегоже словесе кумиръ*; *от устѣ словеси моего*; *ни единаго же словестъ не имамъ с тобою* [2, с. 31, 16, 394], здесь речь о *словесе* / *словеси* / *словестъ* царей, волхвов, кумиров, пророков, философов, простых смертных. Под влиянием многозначности соот-

ветствующего греческого слова существительное развило и другие значения, которые тоже реализуются в различных контекстах «Летописца», обычно формами с *-es* («спор»). Единственный на весь обширный текст случай неразличения основ в этой форме (*от исхода Слова — от исхода словеси*) встречается в отрывках одного содержания, но из разных источников [2, с. 202 и 57] и объясняется сохранением словоформы источника.

Связь значения слова с типом основы описал в своей грамматике А. Х. Востоков, но соотношение абстрактного — конкретного (для более позднего времени) он отмечает противоположное: мн. ч. конкретных *нёбо* и *морское чудо* «не принимает вставки *-es*» [7, с. 19], т. е. слова с конкретным значением имеют общую, а не парциальную основу, в отличие от *небо* и *чудо* с другими значениями.

Использование в религиозных (авторитетных для Средневековья) контекстах существительного *Слово* всегда без *-es* (во всех падежах, невзирая на традиционную парадигму) связано не только с системной языковой заменой старой формы на новую в процессе разрушения консонантного типа склонения (тогда в «бытовых» значениях это замещение, как мы предполагаем, было бы заметнее), но и с потребностью сохранить единство важного с религиозной точки зрения элемента языковой системы во всей парадигме. Для этого прежде всего нужно сохранить единство основы, а вместе с тем и постоянство в каждой числовой парадигме такого важного признака слова, как ударение, что особенно значимо для существительного с подвижным ударением.

Возможно, этой же цели служила и попытка употреблять существительное *Слово* без изменения по падежам — тем самым без изменения его звучания и зрительно воспринимаемого образа: *протече Богу Слово; Богу же Слово премногога ради и добродетелья его* [2, с. 263, 262] (а не *Богу Слово*). Желание воплотить неизменность вечного содержания в неизменной форме не соответствовало славянской морфологической системе, потому практическое его осуществление было непоследовательным. В одном значении, в составе даже одного предложения, существительное *Слово* может быть как склоняемым, так и несклоняемым: *иного же суца Бога Слова от Отца рождена, етера же от Мариа рождена челоувька, одръжанием же съвокуплена Богу Слово, и тезоименитому Сыномь глаголему* [2, с. 338].

В «Летописце» существительное «слово» употребляется во всех падежных формах ед. и мн. ч. Для понимания распределения парциальных основ этого существительного чрезвычайно важно то, что форма им. п. ед. ч. является более частотной, чем вин., хотя «независимо от века, жанра или центра письменности» более типичным является обратное соотношение [8, с. 91]. Очевидно, что на грамматическую закономерность «накладываются» лексические особенности слов, определяющие их синтаксические функции. Например, существительное *слово* в форме им. п. ед. ч. более 30 раз употребляется как обозначение жанра литературного произведения в названиях «глав» (заголовки — новшество «Летописца Еллинского и Римского» второй редакции). В средневековых текстах существительное *Слово* в одном из своих значений является именовани^{ем} Сына Божия; естественно, что в этом значении оно реализуется прежде всего в синтаксической функции подлежащего, называя активное действующее начало, т. е. в форме им. п. — падежа субъекта. Как уже отмечено, яркой грамматической особенностью существительного *Слово* является то, что в определенных сложных контекстах (*Бог Слово*) оно получает возможность не

изменяться по падежам, а выступает в начальной форме в любом контексте. Сочетание этих неморфологических факторов, как и экстралингвистических («слово» в некоторых значениях христианин не может употребить в формах мн. ч.), перевешивает «обычное» грамматическое распределение частотности падежей. Так, существительное *слово* становится практически единственным в рассматриваемой группе (еще *дръво*), у которого форма им. п. ед. ч. является наиболее ценной функционально и преобладает количественно над всеми падежно-числовыми формами. Это фактор неморфологический, но он способствует тому, что основы всех остальных падежно-числовых форм «подстраиваются» под основу им. п. (ср., наоборот, *чудо, камень, время, мати* и др.), а в ней *-es* никогда не было письменно зафиксировано — как следствие исчезает *-es* и в косвенных падежах. В то же время существительное *слово*, как самое частотное в типе на **-s* (встретилось 396 раз!), могло влиять на судьбу других слов этого типа. Существительные, перенявшие образец склонения этого типа по аналогии, легко оставляют его, а у некоторых исконных парадигмы на базе частных основ сохраняются и до настоящего времени.

Распределение парциальных основ по принципу — «одна для ед. ч., вторая для мн. ч.» — отчасти прослеживается и в существительных древнего типа склонения на **-t* (**-nt*). И в ранних славянских памятниках, и в современных языках во мн. ч. они содержат основу с *-ят*: *ослица дикия съ жръбяты въ стадь* [2, с. 136]. В ед. ч. с тем же многовековым постоянством употреблялись без *-ят* словоформы им.-вин.-зв.: *агня Христова* [2, с. 461]; у *хортици взяти щеня* [2, с. 482]. Однако в остальных падежах ед. ч. в «Летописце» встречаются основы с *-ят*: *о отрочяти семь* [2, с. 199]. В целом это самый непродуктивный словоизменительный класс: на существительные данного типа приходится менее 1 % от числа всех употреблений существительных в памятнике (это наименьший процент; так, существительные на **-es*, на **-n*, на **-й* имеют примерно по 5 % употреблений). При этом словоформы мн. ч. составляют 60,7 % употреблений. Подобное распределение числовых форм характерно только для существительных данного словоизменительного класса и может быть истолковано как свидетельство того, что существительные типа *щенья* в словоформах ед. ч. в рассматриваемый период выходят из активного употребления. Позже противопоставление основы ед. ч. основе мн. ч. усилилось (с суффиксом *-онок/-ёнок* в ед. ч., которого в нашем памятнике по времени еще не может быть, но широко представлены многообразные параллельные образования с близкими по значению суффиксами: *агнецъ, птичь, птичищъ, змищъ, жребецъ, младенецъ*). (В отдельных диалектах русского языка парциальных основ в этой группе слов может быть больше двух — например, особая (третья) основа мн. ч., равная «основе ед. минус элемент *-ок* в суффиксе *-онок-* и плюс суфф. *-ат* (*котенок — котенята*)), вычленяет из группы незрелых существ «детенышей мелких, бесполезных или вредных животных, а также вредных мифических существ» [9, с. 94].)

Существительные среднего рода, одна из основ которых содержит *-n* (типа *время — времена*), имеют самые яркие особенности в склонении как в русском литературном языке, так и во многих других славянских языках, где они могут составлять отдельный тип склонения. При характеристике их в славистике используется несколько терминов — например, С. Б. Бернштейн описывает «разносклоняемые основы» [6]. Термин не кажется удовлетворительным, по крайней мере для древнерусского периода, когда окончание не привязано к типу основы: в процессе пере-

стройки именных парадигм основа и окончание объединяются самым причудливым образом. Как синоним в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» ([6, с. 194] и др.) выступает термин «неравносложные основы». Н. А. Кондрашов применяет термин «неравносложные существительные» [10].

Парциальные основы сохранились в словах *мать* и *дочь*. Ю. С. Маслов пишет о них: «Основа без суффикса используется только в им. и вин. ед. ч.; во всех остальных падежах ед. ч. и мн. ч. суффикс представлен. Такая дистрибуция основ не позволяет приписать суффиксу какую-либо собственно семантическую функцию» [1, с. 686]. Это верно и для материала «Летописца» (и относится также к ряду существительных на *-и), только основы еще варьируются в им. — вин. ед.: *дщерь* — *д(ѡ)щи*, *матерь* — *мати*, а потому сохраняют перспективу семантического или стилистического наполнения. «Эта “вторая основа” используется иногда и в им. п. (как архаизм высокого стиля и в составе фразеологического сочетания *матерь божия*)...» [Там же].

Как видим, стилистическая дифференциация слов с парциальными основами появляется после того, как завершено структурное формирование особой парадигмы мн. ч., максимально противопоставленной парадигме ед. ч. того же типа склонения, а затем и отделенной вообще от «своего» типа склонения, с общей системой окончаний для всех существительных. Стилистическое распределение неравносложных существительных происходит после того, как исчерпан ресурс семантической дифференциации лексем, устойчиво связывающей значение слова с типом основы или окончания. Материал показывает самые разные комбинации для каждого слова, но в целом «Летописцу» стилистическая дифференциация не задействованных в первых двух процессах существительных с парциальными основами еще не свойственна. Привычная для нашего времени ситуация закрепления слов с основами, сохраняющими согласный (*матерь*, *слова* и т. д.), за высоким стилем — значительно более поздняя литературная практика, отражающая новое количественное распределение основ на завершающем этапе морфологического изменения, когда такие слова становятся «редкими» (потом архаичными, далее — часто ироничными).

Одновременно с перераспределением основ древних консонантных классов происходят и изменения флексий, вызванные тенденцией к унификации. «Летописец» фиксирует ситуацию, когда характер флексии уже не детерминируется формой основы, флексия перестает быть нерасторжимо связанной с основой определенного типа.

Постепенно происходило расширение набора вариантов флексий, и ко времени создания «Летописца» количество вариантов было максимальным, а далее пошло на убыль. Внимание книжника при употреблении существительных рассматриваемого класса в ед. ч. сосредоточено на форме основы, проблема выбора окончания менее существенна. Так, среди существительных на *-s нет ни одного, которое использовалось бы только с исконным окончанием.

При этом можно уже обнаружить первые попытки разграничить варианты флексии стилистически. Фрагменты из «Хроники Георгия Амартола», одного из основных источников «Летописца», содержат существительные в тождественной падежно-числовой форме с одинаковой формой основы, но с различающимися окончаниями: *“Царю, древо, еже еси видѣль възвеличано, его же высота до небе-*

се и широта его по всей земли <...> — ты еси, царю, яко възвеличишия, и превъзможеш величество до небесъ и господствия твоя в конецъ земля» [2, с. 43]. Степень абстрагирования в оборотах *высота* (древа) *до небесе* — *величество* (царя) *до небесъ* увеличивается за счет метонимического переноса, наложенного на гиперболу первого образа, что, безусловно, выражено иерархией лексико-словообразовательной (*высота* — *величество*), но, возможно, и выбором окончания тоже, по тем же правилам, что и выбор основ (с *-ес* и без *-ес*): новая форма с окончанием *-ть* для конечного в цепочке переносов отвлеченного смысла (в переводе «Хроники Георгия Амартола» таких различий нет: в части списков в обоих случаях «(до) небесъ», в остальных — в обоих случаях «(до) небесе» [11, т. 1, с. 187]). «Самой новой», конечно, была бы форма *неба*, но она еще почти невозможна — в тексте 68 употреблений слова в форме род. п. ед. ч., и только один раз это форма *неба*, причем еще очень зависимая от контекста: *Не видѣти бо бѣше ни неба, ни земли от многы крѣви* [2, с. 114]. Это «апофатический» вариант фразового единства *небо и земля* (также и в дат. п. ед. ч. *небо* встречается всегда в той же синтагме *небу и земли*). Вторая часть сопоставления — *широта* (древа) *по всей земли* и *господствия* (царя) *в конецъ земля* — подтверждает стилистически мотивированное отношение автора к выбору флексий наличием в заключительной синтагме старославянского окончания *-я* у существительного (в *конецъ земля*). Но в еще одном описании той же ситуации (по другому источнику) такого тонкого стилистического распределения флексий не наблюдается [2, с. 40, 41].

Жанр хронографа предоставляет книжникам, составителям «Летописца Еллинского и Римского», определенную свободу выбора и основ, и флексий; этот жанр не накладывает на текст ограничений на включение новых морфологических форм, свойственных речевой стихии времени его создания, и еще более свободно в него вплетаются формы устаревающие, современные эпохам переводов его источников (с X–XI вв.), но еще понятные. Система именного склонения в период создания памятника становится, как известно, гораздо более компактной и простой, а изученный материал показывает, что это структурное упрощение — не обеднение языка, а обогащение — обогащение семантических значений и возможностей стилистического варьирования.

Литература

1. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. М.: Языки славянских культур, 2004. 840 с.
2. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст / Осн. список подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой. СПб.: Изд-во Дм. Буланин, 1999. 513 с.
3. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2: Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб.: Изд-во Дм. Буланин, 2001. 271 с.
4. Колесов В. В. История русского языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Издательский центр Академия, 2005. 672 с.
5. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. 143 с.
6. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974. 378 с.
7. Востоков А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная... 12-е изд. СПб., 1874.

8. Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв.: лингвостатистический анализ / отв. ред. Н. А. Мещерский, А. С. Герд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 224 с.
9. Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. 448 с.
10. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
11. Истрин В. М. Книги временья и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: текст, исследования и словарь. Пг., 1920–1930. Т. 1–3.

References

1. Maslov Yu. S. *Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Eds. A. V. Bondarko, T. A. Maisak, V. A. Plungian. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2004. 840 p. (In Russian)
2. *Letopisets Ellinskii i Rimskii*. T. 1. Tekst [Ellin and Rome chronicler. Vol. 1. Text]. St. Petersburg, Izd-vo Dm. Bulanin, 1999. 513 p. (In Russian)
3. *Letopisets Ellinskii i Rimskii*. T. 2. Kommentarii i issledovanie [Ellin and Rome chronicler. Vol. 2. Comments and research]. St. Petersburg, Izd-vo Dm. Bulanin, 1999. 271 p. (In Russian)
4. Kolesov V. V. *Istoriia russkogo iazyka* [History of the Russian language]. St. Petersburg, Moscow, 2005. 672 p. (In Russian)
5. Markov V. M. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Imennoe sklonenie* [Historical grammar of the Russian language. Noun declension]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 143 p. (In Russian)
6. Bernshtein S. B. *Ocherk sravnitel'noi grammatiki slavianskikh iazykov. Cheredovaniia. Imennyye osnovy* [Essay on comparative grammar of the Slavonic languages. Alternation. Noun stems]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 378 p. (In Russian)
7. Vostokov A. Kh. *Russkaia grammatika po nachertaniiu ego zhe sokrashchennoi grammatiki polnee izlozheniia...* Izd. 12-e [The Russian grammar as designed in his concise grammar but more complete...]. St. Petersburg, 1874. (In Russian)
8. Imennoe sklonenie v slavianskikh iazykakh XV–XVI vv.: lingvostatisticheskii analiz. Otv. red. N. A. Meshcherskii, A. S. Gerd [Noun declension in the Slavonic languages in XV–XVI centuries: Linguistic and statistic analysis]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1977. 224 p. (In Russian)
9. Bromley S. V., Bulatova L. N. *Ocherki morfologii russkikh govorov* [Essays on morphology of the Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 448 p. (In Russian)
10. Kondrashov N. A. *Slavianskie iazyki* [The Slavonic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p. (In Russian)
11. Istrin V. M. *Knigy vremen'nyia i obraznyia Georgiia Mnikha: Khronika Georgiia Amartola v drevnem slavianorusskom perevode: tekst, issledovaniia i slovar'*. T. 1–3 [Time and image books of George Mnich: The chronicle of George Amartole in the Slavonic-Russian translation: Text, research and glossary. Vol. 1–3.]. Petrograd, 1920–1930. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2015 г.

Контактная информация

Донина Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент; Ldonina@mail.ru
 Donina Lyudmila N. — Candidate of Philology, Associate Professor; Ldonina@mail.ru